

ИСКУССТВО ДУМАТЬ ФИЛОСОФСКИ

Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007

Книга «Античные начала философии» является и продолжением и некоторым итогом многолетних исследований Анатолия Валериановича Ахутина в области истории философии и науки, знакомых читателю по его монографиям «История принципов физического эксперимента. От античности до XVII в.» (М., 1976), «“Фюсис” и “Натура”». Понятие “природа” в античности и в Новое время» (М., 1988), «Тяжба о бытии» (М., 1997), «Поворотные времена» (СПб., 2005) и ряду других работ. Эта книга столь монументальна по своему замыслу и исполнению, что охватить беглым взглядом все многообразие представленных в ней мыслей и затронутых автором тем не представляется возможным. Поэтому мы остановимся на том, что отличает данную книгу от множества других работ, посвященных античной философии.

Прежде всего, ее выделяет сам подход к истории философии, специфическое понимание ее целей и задач. Сам А.В.Ахутин заостряет проблематику своего исследования, включая его в современный контекст, в котором судьбы традиционной истории философии выглядят достаточно драматическими и где все громче звучат пророчества о конце философии: «Складывается мнение, что нечто, определявшее всю историю европейской культуры от греческой архаики до наших дней и связавшее ее в целое, исчерпано. Теперь – опять – все новое»¹.

Автором движет не антикварный интерес к устройству и специфике философских учений, возникших в Древней Греции, а особое понимание состояния и задач *современной философии*. Пусть читателя не вводит в заблуждение ее название – эта книга не только и не столько об истории античной философии и даже не об истории философии как таковой, в первую очередь, это книга о самой философии.

Как пишет А.В.Ахутин, его собственный способ понимать и решать задачу философии (вплоть до идущих в ход метафор и словесных оборотов) сложился под влиянием фундаментальной онтологии М.Хайдеггера и диалогической онтологии В.С.Библера, памяти которого и посвящена эта книга. Она содержит «отчет об опыте понимания», который «может быть поучительным именно потому, что с самого начала ставился не в логике объективного познания “предмета”, а в другом понимании *понимания*»².

Итак, перед нами опыт *философского* понимания античной философии. Его особенности заключаются в следующем:

1. Презумпция интеллектуальной невинности – попытка «понять древнего мыслителя так же, как мы пытаемся понять мыслителя современного, без ссылок на время и место, принимая всерьез его *собственную мысль*»³. То есть не надо пытаться объяснять особенности древней фило-

¹ Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С. 42.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

софии архаикой, «детством» философской мысли, и видеть в мышлении греков всего лишь самые ранние, а потому еще несовершенные, этапы развития философской мысли.

2. Следует исходить из того, что философский текст представляет собой не «взгляд» на вещи, а сами вещи как таковые – без скидок на внешние основания мышления (культурный семиозис, традицию, социальные факторы, ментальность и пр.). Но при этом надо допустить, что есть различные логики, конституирующие познающий разум, что «возможна иная архитектоника (чистого) разума, отличная от той, внутри которой понимающая мысль принимает характер объективно познающей, т.е. той, в логике которой ведутся научные исследования, в том числе и историко-философские»⁴. Как полагает А.В.Ахутин, речь идет не об особенностях той или иной культурной традиции, но о специфическом способе мыслить, свойственном тому или иному философу, о его особом «логосе» и о своеобразном «повороте» самих вещей, схваченном мыслью. Отсюда следует, что если бытие одно, а логики разные, должно существовать множество онтологий, т.е. различных способов понимания бытия, в которых оно открывается мысли.

Идея начала лежит в основании самой философии и составляет прерогативный предмет ее интереса. Для современного философа понимать греческих мыслителей значит: (1) научиться у них изобретенному ими искусству начинать философию сначала (2), понять логику, по которой это начинание складывается в определенное начало (начала), отличающее античную философию в целом «как некий сим-посион, некую композицию ее философий (учений, школ, традиций), как внутренний, *как бы* одновременный симпозиум, развернувшийся на тысячелетия»⁵. Поэтому для понимания духа греческой философии необходим своего рода «непредметный» способ ее постижения, предполагающий практическую включенность мыслящего в этот духовный континуум: «Философски понять философа – значит не только понять, что он говорил, но услышать, что он говорит, продолжать говорить, что он еще может сказать, – вступить с ним в разговор по сути дела»⁶.

В рассуждениях В.А.Ахутина важное значение приобретает понимание философии как *архео-логики*. Оно опирается на две античные традиции философствования – аристотелевскую и сократическую. С одной стороны, философия выступает как «архео-логика» – «логика» обоснования самих начал, поиск первоначала, или предельного основания, стремление отыскать «первое и последнее». И следуя этой логике, искомое философией начало должно быть единственным и окончательным. С другой стороны, философских систем множество, как и найденных ими первоначал, и это можно расценивать как скандал философии, ее неспособность ответить на задаваемый ею же вопрос. Но именно в этом открываются продуктивные возможности для их взаимоотношения между собой в стихии сократического диалога: философия выступает как аналитика начал, на которых строится то или иное истолкование мира (метафизика). Она вскрывает онто-логические парадоксы и апории этих начал, чтобы выявить внутренние основания возможности иных метафизик, иных истолкований мира.

⁴ Ахутин А.В. Античные начала философии. С. 9.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 12.

Парадокс первоначала, т.е. парадокс самообоснования. Основания науки не могут быть предметом самой науки. Но тогда как возможно знание первоначала? Исходя из положения Аристотеля о том, что не может быть эпистемы о началах, на которых базируется аподиктический логос и что ум является началом эпистемы, Ахутин заключает, что ум и есть состояние мышления, в котором оно находится, когда понимает начало. Это понимание не аподиктично, а интуитивно. Философский ум мыслит по ту сторону аподиктической эпистемной логики, но при этом он не алогичен, а вне-логичен.

Метод и логика философского ума «отличаются как от аподиктической логики “эпистем”, так и от незабываемой мудрости традиции или мировоззрения»⁷. Его дело – «умное усмотрение *самого* бытия»⁸. При этом спор этих начал необходим: от начал, на которых базируется логика теоретической мысли и от начал, предполагаемых практической мудростью, и посредством диалектического спора основопредположений, как средства возвращения умной интуиции, философский ум поднимается к «умному усмотрению *самого* бытия»⁹.

Начало не может быть высказано и изложено в той логике, началом которой оно служит. Начало двусторонне – оно и принадлежит миру и выходит за пределы мира и его ума. Выяснение того, как это возможно, и есть, с точки зрения Ахутина, философия во всей ее истории. «Мысль, проясняющая архитектурно-устроенный образ мира и соответствующий образ мысли, выверяет себя, оборачиваясь к тому началу (*архэ*), что лежит в основании тектоники мира и логики знания (разбирательства) в нем. Это начало само высвечивается в свете проясненного им мира, тогда возникает вопрос о *природе* – смысле, основании – его начальности»¹⁰. Это тяготение философского ума к фундаментальным основаниям самого себя, начиная с Аристотеля, прослеживается на протяжении всей истории европейской культуры – поворот от мира к его началу в доказательствах бытия Божия у Фомы; поиск первопричин и первоначал, усматриваемых «ясно и самоочевидно», у Декарта; «Первая философия» у Гуссерля как наука о началах, обосновывающая иные науки, т.е. наука о трансцендентальной субъективности или феноменология. Автор книги приходит к выводу, что то начало, к которому всегда обращена философия, – это бытие, но бытие в его не-мыслимости.

Парадокс многообразия философских систем: В.А.Ахутин отмечает, что «философы занимаются общим – философским – делом, но доказывают причастность этому общему делу тем, что порождают абсолютно оригинальную философию»¹¹. Метод философствования, искусство философского ума – искусство диалектическое, т.е. спор мудрецов об изначальности начала. Но если ранее спор о первоначалах велся исходя из предположения о моно-логичности мира, то сегодня само это предположение является предметом философского спора. Внимание к онто-логическим различиям определяет характер и оригинальность современной философии: «сократический диалог эпохальных онто-логических начал»¹² становится формой и содержанием современной философии.

⁷ Ахутин А.В. Античные начала философии. С. 23–24.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. С. 30.

Проблема обоснования не теряет своей актуальности, более того, как считает автор, она становится ключевой для современной философии. В ситуации, когда казавшиеся незыблемыми аксиомы и основания теряют свою естественность и самоочевидность, возникают две противоположные тенденции: с одной стороны, ведется поиск окончательно начального начала, а с другой, в качестве начала утверждают саму безначальность. Радикализация философского вопроса приводит к тому, что ставится под вопрос классическая форма философского ответа: «монологичная метафизическая онто(тео)логия»¹³. Отсюда, в духе Хайдеггера, можно сделать вывод о том, что, преодолев греческую метафизику, вся последующая европейская философия так никогда и не утратила своего «греческого» лица: если греческая философия хранит в себе начало и источник самой философии, то вся европейская философия есть в принципе философия греческая.

Парадокс истории философии. С точки зрения Ахутина, история философии также парадоксальна, как сама философия: «С одной стороны, философ оказывается философом в той мере, в какой включается в *общее* дело философии..., с другой же – каждый философ сам определяет, (пере)осмысливает в чем существо этого общего дела и рассматривает других в логике этого, им определенного существа»¹⁴. Объективный историк хочет занять в исторической вселенной место коперниканского наблюдателя. Но сам дух научной объективности с его стремлением к всеобщности, метаисторичности, истинности является порождением метафизики нового времени. Поэтому в научно-объективных историях философии мы видим, как метафизика нового времени включает предшествующие философии в свою историю, рассматривая их либо как этапы собственного пути или как нагромождение ошибок.

Автор видит насущную задачу философии в том, чтобы вновь научиться философии и дать слово самим греческим философам вместо того, чтобы объяснять им, что они в *действительности* имели в виду и какое место они занимают в истории философии. Очевидно, что мысль А.В.Ахутина часто следует за рассуждениями Мартина Хайдеггера, мыслителя, чрезвычайно чувствительного к проблематике онтологических обоснования философского *понимания* мира. Каждая философия есть ответ на вопрос о начале, мышление о бытии, предполагающее свое понимание того, что значит мыслить и соответствующее ему осмысление бытия, т.е. она включает в себя определенного рода тождество бытия и мышления. Тождество этих двух начал не означает их полной неразличимости, в противном случае утрачивается весь смысл понимания бытия: есть Бытие, а есть бытие, нами понятое и истолкованное, и это не одно и то же.

В то же время проблемная сфера, очерченная А.В.Ахутиным, оставляет пространство для плодотворного диалога весьма разных философских установок. И в этом случае нам, возможно, придется иметь дело с еще одним парадоксом, в который неизбежно вовлекались все известные нам опыты понимания бытия. Речь идет о герменевтическом круге. Мы подходим к истории философии с определенным вопросом, обусловленным нашим способом вопрошания, нашим пониманием. В данном

¹³ Ахутин А.В. Античные начала философии. С. 31.

¹⁴ Там же. С. 62.

случае А.В.Ахутин формулирует свое понимание того, что такое философия, отталкиваясь прежде всего от аристотелевского определения философии. Рассматривая сквозь эту призму всю историю философии, он видит в сущности именно то, что она позволяет ему разглядеть. Но, передав слово другому полноправному участнику философского диалога, мы получим иной предмет спора и на его философском пиру соберутся иные персонажи. И, возможно, на нем найдется место софистам, киникам, скептикам, стоикам, т.е. всем тем греческим философам, что оказались за дверями философского симпозиона, созванного Анатолием Валериановичем.